

18+

О. НЕПОДОБА

ПЕРЕВАЛ ОСТАВШИХСЯ ДОМА

Ольга Непогода

Перевал оставшихся дома

«Издательские решения»

Неподоба О.

Перевал оставшихся дома / О. Неподоба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984104-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Перевал оставшихся дома» — это сборник ранних стихотворений автора. Горные тропы сложны, но жизненные дороги, порой, таят не меньше трудностей и опасных поворотов.

ISBN 978-5-44-984104-9

© Неподоба О.
© Издательские решения

Содержание

Тем, кто рядом в пути	6
ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА. БРАЧНАЯ НОЧЬ ПОД НАРКОЗОМ	7
ЗАПАСНОЙ ГЛАДИАТОР ИЛИ ДРОЖЬ В РУКАХ	9
На аллее снег ложится	10
ТАБЛЕТКИ ОТ КАШЛЯ	12
Уход под предлогом	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Перевал оставшихся дома

Ольга Неподоба

© Ольга Неподоба, 2020

ISBN 978-5-4498-4104-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тем, кто рядом в пути

1998 год. Вечер. В тесной комнате толпа, неразбериха, сумбурные перепалки, огромные рюкзаки, горы продуктов и снаряжения.

Не хватает объемов – в комнатах, в мешках, в мыслях.

Не хватает объемов воображения, чтоб охватить все то, что ждет нас впереди.

А в три часа ночи старт.

Мгновенное затишье...

Крохотный уголок одиночества. Перед глазами пробегает время и тянет за собой вереницу людей, событий, побед и пощечин...

Остро хочется одного – чтобы все вернулись домой.

Все те, кто был, есть и будет – РЯДОМ В ПУТИ.

Рядом. И в горах и в «цивильной» житухе. На ледяных стенах и в шумных застольях, в долгих ночных беседах и в коротких болезненных встречах.

В каждой строке – частичка вашего огня.

1998 год. Северные склоны Эльбруса. Позади – вершина по северному пути. Базовый лагерь. Высота 4800. Разорвало все палатки. Двенадцать человек в тесной пещере. Вторые сутки...

И невольно твердишь про себя строки :

Пока мы полны разрушительной силой экстаза,

В отсутствии чувства вины —

Никто из нас не будет наказан,

И все доживут до весны —

длинной, как первая ночь.

Мы смоем с кожи блудливый грим

и встанем на новую твердь.

Никто из нас не вернется таким,

каким нас запомнила Смерть!

1998

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА. БРАЧНАЯ НОЧЬ ПОД НАРКОЗОМ

Я буду часто менять города и прописки,
В транзитных сердцах пораженных коррозией.
Я буду знать, что ты очень близкая —
Скрипишь по арктической шапке полозьями.

В ночь привокзальную улицам слякотным
Выпадет снег, подгулявшим десантником,
На лаковой плоскости легкая вмятина,
След от локтей твоих, или... романтика.

Изольда, мне пора, а я...
 А я – не в силах.
А ты сегодня занята,
 а завтра может с рук сойдет,
И, кстати, дел невпроворот —
 такая блажь.

А где здесь плата за ночлег,
 а где влияние светил...

Холодный лестничный пролет,
И бред, оплаченный вперед.
Изольда, этот дом не наш!
И ночь застирана до дыр...

Молчанья рвущийся пунктир —
Блиндаж с проигранной войны...
И в подтверждении вины,
Стоит, волнуясь, у стены —
Чужая девочка с лицом, похожим на твое...

Я помню тебя...
 Отражением пламени в черной воде,
Неумелым твореньем мечты моей.
 Господи, где?
Бесплатное небо для каждого ждущего,
Звезды в упрек покосились опасливо.
Все, что нам было за это отпущено —
Мы были счастливы, Изольда.
 Мы были счастливы!

Но угловатая детская пластика
Прячет незримое чье-то присутствие,

Глаз твоих распятия пугают, как свастика,
Каждое слово звучит, как напутствие —
В суетный склеп для слепых и доступных,
Савана вечности ржавые клочья,
Где отречённо, смешно и преступно,
Мы были истерикой прожитой ночи.
Знаешь, я тоже могу неопрятными
Прядями истин трясти пред могущими,
И на щеках нездоровыми пятнами,
Маскировать свою скромность гнетущую
Господи, как ты внимательно слушаешь,
Легкая холодность наспех наброшена,
Завтра просплюсь и, наверное, струшу я,
Завтра я так не смогу... по – хорошему!
Брось, это просто бессилие плачется.
Боли тебе без меня причитается,
Я буду верным для всех, кто останется,
Это побег. А слова... не считаются!

1997 г.

ЗАПАСНОЙ ГЛАДИАТОР ИЛИ ДРОЖЬ В РУКАХ

В моих глазах блудят чужие сны
И за хребтом – хребет и снегу – по колено...
И до победы – две весны, а до тебя...
А до тебя еще четыре Карфагена.

Она выбирает черный цвет,
Из гаммы разных цветов.
А то, что ты говорила “ нет»,
Уже не узнает никто.

Она чертила какие-то странные знаки,
Она цепляла вскользь крамольные темы,
Я смотрел глазами умной собаки,
И курил сигареты марки «СЕМЕЛ»

На аллее снег ложится

На аллее снег ложится,
пусто в парке.
До рассвета ей не спится,
ночь насмарку...
И хандра унылой прозой,
дней запутанных волокна,
И давно в забытых позах
спят всевидящие окна.
И находчивым Прокрустом
по привычке
Ночь растягивает чувства —
безгранично.
А меня – как будто нету.
И молчанье – неуместно
На стене среди портретов
для меня оставят место.

К ней в ночи приходили бесшумные люди,
Приносили ей травы в светящихся чашах.
А она говорила – «Мы будем,
Обязательно будем счастливы...»

И размытый узор на поплывших обоях,
Обжигался стыдливо причудливой тенью.
Я сегодня был лучше всех прежних героев!
Несравненный солист ускользнувших ступеней.

Одноразовый лоцман ночных коридоров,
Запасной гладиатор для действия страсти,
Подходящий статист для податливых взоров,
Самый преданный жрец в этой избранной касте.

А когда я завязывал с кофе и трепом,
И окурок старательно вдавливал в кожу,
Подрасстрельные мысли крестились в окопах,
Принимая навзрыд облегчение ложью.

И ложиться на снег с переменным успехом,
Но до спазма сведенные скулы твердели,
Я, конечно, был лучше до боли, до смеха —
Запасной гладиатор капризных постелей.

И слова задыхались, плутая не в меру.

А прижатых ладоней потешная крепость,
Заставляла всерьез, без наркоза, на веру
Принимать как спасение высшую слепость!

Но в глазах твоих странных, так чисто и больно.
Так затравленно и неумело покорно.
Так пронзительно просто, тепло и невольно.
Что-то было такое... прикрытое черным...

В суицид прощенья верить —
 поздно, милый...
Все незапертые двери —
 ночь прикрыла,
Никого не будет рядом,
 но от боли станет тесно,
И покажется наградой —
 то, оставленное место.
И находчивым Прокрустом
 по привычке,
Ночь растягивает чувства —
 безгранично.
Будет виться монотонно
 дым над парой битых кружек,
И покажется Мадонной
 растолстевшая подружка!
На аллеи снег ложится
 пусто в парке.
До рассвета ей не спится,
 ночь насмарку,
И хандра унылой прозой —
 дней запутанных волокна,
И давно, в забытых позах —
 спят всевидящие окна.

1998 г

ТАБЛЕТКИ ОТ КАШЛЯ

Белый шорох шагов —

перегруженной памяти блеф —

камуфляжная потная шкура.

И скользят под ногами тела покоренных миров,
И погас на ветру в неподатливых пальцах окурков.

Белый шорох шагов —

умирающий, стонущий звук.

И светящийся круг —

где оскаленных глаз мерзлота —

белый танец волчицы,

И в таблеточной горечи рот —

под прицелом, на рваной гряде,

Где же ваши хваленые крылья?

А я... попытаюсь родиться,

Может в следующий раз, на пол – жизни поближе к тебе!

А кому-то из нас —

все равно, на исходную плешь суеты —

чуть живым возвращаться.

И прикармливать ангелов с рук,
не выдавших такой высоты!

Я там был.

Мне значительно проще – остаться.

А во всем остальном —

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ЭТО БЫЛ ТЫ!

* * *

Устало ветер шевелит

Полы твоего плаща —

молчаливый эскорт.

Ночная трасса, город спит,

И ты садишься не спеша —

экспресс вокзал – аэропорт.

Оставив память о себе,

мы никого не будем ждать.

Я оловянный дезертир, опять,
Я уйду с передовой – домой!
Красивая женщина за тридцать пять,
Непьющий мужчина – за так,
Холодный наследник готовый пристать
К скалистому пастбищу

люминесцентных снов.

Я уже готов!

Я почти жилец, я полнокровный агнец,

Я серый коршун, полночный танец,

Неровных ритмов по сбитым венам,

Я в землю брошен прокаженным геном.

Я восстану из кожи императором кладбища снов!

Ты мне хлеб и кров!

Уже не так стройна, чтобы прощать не глядя.

Еще не так больна, чтобы оставить рядом,

Уже совсем ушла, и обозначились резче,

Морщины у глаз и забытые вещи,

А я слишком долго учил тебя не скучать одной!

За моей виной —

Потенциальные женщины финальных видений.

Деревянные мальчики, звенящие мелочью,

Исключающие право стоять на коленях,

Называть тебя милочкой, хорошею девочкой,

Влит граненый рубильник до дна, за прелюдию,

И в двуспальную дыбу – упоительным глоссером,
Ах, как здорово быть беспонтовым орудием,
Метать себя щедрого, под ноги бисером.
Ты так не научилась ни пить, ни целоваться,
Полчаса мне про все – незаконченной сволочи,
Как будто бы требуя сатисфакции,
Открываешь мне путь в виде кухонной форточки.
А город сжигает резину, как прошлое,
Под паутиной глазами атласными,
Следит за тобой, в ожидании хорошего,
Согласные губы разделит на гласные.
Но ждут тебя сны, как отряды карателей.
Где вексель согласия – на предъявителя,
Где плюшевый мишка смотрит внимательно,
Да что его глаза – подземные жители!
Я не хозяин, я – жилец! Я уйду с передовой,
Я оловянный дезертир, я тоже – раненый такой!
А на окопы падал снег, и кто-то требовал огня,
Я уйду... свинцом в висок... все то, что было
было, было, было до меня!
И обманутый город сжигает ненужные листья,
И на темных аллеях блуждающий призрак огня!
И очнувшийся дворник – художник с нелепою кистью,
Нарисует картину, где не было меня.

1997 г.

Уход под предлогом

Угольный стебель предплечья – резиновый жгут,
Мглистая изморозь некогда пламенных глаз.
Дарит тепло и рождающий близость уют —
Сине-горящий под копотью чайника газ.

В скверике плачущих девочек каменный вождь
Прячется в ёлках от ветра и злых голубей.
Друг одиноких детей – парафиновый дождь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.